

Цинь Чжэн никогда не знал своих родителей. Из рассказов жены наставника он помнил лишь то, что она подобрала его, спасаясь от бедствий, а позже их по дороге спас Вэй Бинцин. Так они и оказались на Вилле Обширных Холодов. Глава Вэй проявил милосердие, приютил мальчика и с тех пор держал при себе. Когда наставник с супругой сочетались браком, они окружили приёмшца заботой и воспитывали как родного. Цинь Чжэн не знал, каково это — потерять близких по крови людей, и не мог в полной мере разделить чужую боль. Однако сама мысль об этом казалась ему невыносимо жестокой, особенно когда речь шла о десятилетнем ребёнке. Маленький Су Цзыцин, рождённый в Долине Павшего Бессмертного, лишился отца и матери в одночасье. Рядом не осталось ни единой души, кто мог бы позаботиться о нём. Цинь Чжэн, будучи лишь случайным свидетелем этой трагедии, чувствовал, как от жалости сжимается сердце.

Он поплотнее запахнул на плечах Су Цзыцина просторный плащ и тихо произнёс, пытаясь успокоить:

— Когда рушится весь мир, глупо просить не плакать. Тебе сейчас очень тяжело, я понимаю. Но поверь мне: раз уж я дал обещание твоей матери, то буду защищать тебя, пока мы благополучно не доберёмся до Утёса Обрыва Воды. Если эти мерзавцы вернутся — не бойся. Твой братец Цинь Чжэн мигом их разгонит!

Су Цзыцин послушно кивнул и, не отрывая взгляда от бездыханного тела матери, едва слышно прошептал:

— Маме... холодно.

Цинь Чжэн со вздохом приобнял его за плечи:

— Да. Когда жизнь уходит, тело остывает. Посиди здесь, отдохни, а я пока подыщу место, чтобы похоронить твою маму. Ей нужно упокоиться в земле, хорошо?

Су Цзыцин лишь тихонько хмыкнул в знак согласия. Цинь Чжэн отнёс мальчика к самому входу в пещеру, туда, где меньше дул ветер, потеплее укутал его и отправился наружу. Подбрав за пределами грота место с неплохим фэншуй, он принялся копать могилу для Су Цзяо. Понимая, что из-за покалеченных ног ребёнок не сможет ни опуститься на колени, ни помочь с землёй, Цинь Чжэн устроил его так, чтобы тот видел всё издали — это было меньшее, что он мог сделать, чтобы мальчик простился с матерью. Су Цзыцин не проронил ни звука. Когда сгустились сумерки и совсем стемнело, Цинь Чжэн уже не мог разглядеть лица притихшего найдёныша. Лишь сиротливый детский силуэт, укрытый тяжёлыми складками плаща, одиноко белел в темноте пещеры, вызывая щемящую тоску.

Вскоре он отыскал неподалёку сухое полено, обтесал его мечом, превращая в надгробную дощечку, и обернулся:

— Цзыцин, а как пишется имя твоей мамы? Каким именно иероглифом «Цзяо»?

Ответа не последовало. Цинь Чжэн позвал снова, но в ответ раздавалось лишь завывание ветра. Встревожившись, он бросил деревянную заготовку и подбежал к мальчику. Тот лежал без чувств, его лоб пылал. Цинь Чжэн поспешно перенёс горячего ребёнка вглубь пещеры. Теперь, когда малыш лишился чувств, он хотя бы не цеплялся за него, не пуская ни на шаг. Цинь Чжэн развил бешеную деятельность: мигом развёл костёр, сбегал к ручью за водой, а затем, вооружившись факелом, отправился в чащу на поиски целебных трав. Сначала нужно было заняться ранами на ногах, но истощённый организм без еды шёл на поправку неохотно. К тому же на этой дикой горе вполне могли водиться волки. Подвинув бесчувственного Су Цзыцина поближе к теплу, Цинь Чжэн перехватил меч и снова покинул убежище.

Он и подумать не мог, что поездка, в которую он отправился из чистого любопытства, обернётся ночной охотой на фазанов и зайцев в глухом лесу. Наставник строго-настрого велел не связываться в чужие дразги и не высовываться. Что ж, приказ он нарушил, пусть и при весьма необычных обстоятельствах. Теперь деваться было некуда, оставалось только идти до конца. В ближайшее время вернуться в поместье точно не получится. Оставалось надеяться, что Су Хань как-нибудь выкрутится перед старшими и загладит его отсутствие. По возвращении на Виллу Обширных Холодов Цинь Чжэн решился во всём сознаться чистосердечно. Учитель, конечно, разгневается, но, скорее всего, обойдётся выговором. Главное — искренне повиниться.

Его великолепное мастерство владения мечом сейчас сослужило неожиданную службу — для охоты на лесную дичь его талантов хватило с избытком. Заготовив припасы с расчётом на завтрашний день, Цинь Чжэн взвалил добычу на плечо и поспешил обратно в пещеру.

Су Цзыцин всё ещё бредил. Щёки ребёнка горели лихорадочным румянцем, губы обветрились и потрескались. Цинь Чжэн пристроил дичь над огнём, уселся на землю, скрестив ноги, и бережно устроил голову мальчика у себя на коленях. Свернув широкий лист наподобие чарки, он зачерпнул чистой воды и осторожно смочил иссохшие губы малыша.

В пещере не нашлось элементарных вещей: ни котелка, ни посуды, ни даже чистого платка. Цинь Чжэн в растерянности подумал, что сейчас ему очень пригодился бы Су Хань — у этого щёголя всегда припрятано несколько надушенных шелковых платков, любой сошёл бы за компресс. Чтобы хоть немного сбить жар, Цинь Чжэну пришлось пустить в ход собственные одежды. Он оторвал кусок ткани от подола, смочил холодной водой и аккуратно приложил ко лбу ребёнка.

Оставалось надеяться, что лихорадка скоро отступит, иначе при таком расходе лоскутов он через пару дней останется совсем нагим.

Уложив компресс, он принялся за раны.

Цинь Чжэн осторожно закатал штанины на худеньких детских ножках. На коленях багровели глубокие рваные следы от ударов мечом. Нападавшие явно хотели покалечить мальчика, лишить его возможности ходить. Будь раны чуть глубже, Су Цзыцин остался бы калекой на всю жизнь. Края порезов уже воспалились и начали гноиться, а то, что ребёнок, преодолевая дикую боль, полз по каменистой земле к телу матери, лишь усугубило его состояние.

Не теряя времени, Цинь Чжэн с треском оторвал один из рукавов своего халата. Он быстро соорудил из веток лубки, зафиксировал покалеченные суставы, а затем тщательно разжевал собранные травы и приложил кашицу к ранам.

Целебный сок должен был остановить кровь и унять жгучую боль. Завершив перевязку, Цинь Чжэн вгляделся в лицо мальчика: он наконец расслабился, а дыхание выровнялось. Напряжение понемногу отпускало его.

Вдруг резкий запах гари ударил ему в нос, заставив закашляться.

Проклятье. Пока он возился с раненым, фазан на вертеле безнадежно обуглился.

Цинь Чжэн засуетился, спешно насаживая на вертел новую тушку и яростно разгоняя ладонью едкий дым. Не хватало ещё, чтобы мальчишка угорел от его кулинарных изысков прежде, чем спадёт жар.

«М-да... Кто же знал, что готовить так непросто?» — сокрушался он про себя, принимаясь к поднимавшемуся над костром аромату. — «Думал, бросил на огонь — и готово, а тут нужен глаз да глаз. Но пахнет недурно...»

Вскоре аппетитный запах разнёсся по всей пещере. Су Цзыцин пошевелился и медленно приоткрыл глаза.

Цинь Чжэн, одной рукой придерживавший ребёнка, а другой переворачивавший вертел, заметил, что к мальчику возвращаются силы, а на бледных щёчках проступает здоровый румянец. Он искренне обрадовался:

— Очнулся? Проголодался, наверное? Потерпи ещё немного, сейчас всё будет готово!

Су Цзыцин уставился на обнажённое плечо Цинь Чжэна и удивлённо пробормотал:

— Твоя одежда?..

Цинь Чжэн неловко улыбнулся:

— Пришлось пустить на бинты, чтобы перевязать твои ножки. Потерпи пока. Как только тебе станет немного лучше, я спущу тебя с горы на руках и отведу к хорошему лекарю. Он тебя обязательно вылечит.

Су Цзыцин осторожно потянул его за голую руку, пытаясь укрыть краем плаща, и робко шепнул:

— Тебе холодно.

Цинь Чжэн вовсе не мёрз, но этот жест со стороны измученного ребёнка тронул его до глубины души. Он тепло улыбнулся:

— Раз ты меня греешь, мне совсем не холодно. Сможешь немного приподняться? Опирайся на меня и старайся не шевелить ногами. Давай я тебя покормлю.

Мальчик послушно навалился на его плечо всем своим лёгким, податливым тельцем. Цинь Чжэн действовал бережно. Взрослому ничего не стоило бы вгрызться в сочное мясо прямо с кости, но у истощённого ребёнка на это просто не хватило бы сил. Цинь Чжэн терпеливо отщипывал тонкие волокна мяса, то и дело дуя на пальцы и хватаясь за мочки ушей, чтобы остудить кожу. Су Цзыцин оказался на удивление послушным: он ел не торопясь, без капризов принимая каждый кусочек, и непременно дожидался, пока Цинь Чжэн сам сделает глоток, прежде чем открыть рот для следующей порции.

Когда с ужином было покончено, Цинь Чжэн напоил его водой и уложил спать, устроив поудобнее у себя под боком. Тепло от костра согревало их, и вскоре они оба погрузились в глубокий сон.

Ночью Цинь Чжэн спал тревожно. Его преследовали страхи о возможной погоне, он боялся упустить огонь и простудить больного ребёнка. Ближе к рассвету он внезапно почувствовал, что его объятия опустели, и мгновенно очнулся от сна.

Су Цзыцина рядом не было.

Сердце Цинь Чжэна бешено заколотилось. Он вскочил, собираясь броситься на поиски, но почти сразу заметил силуэт у выхода из пещеры. Мальчик, преодолевая боль, упрямо полз по холодной земле. Каким-то чудом он сумел добраться до свежего могильного холма. Приподнявшись на локтях, он удерживал перед собой обтёсанную деревянную плашку и сосредоточенно выцарапывал на ней знаки острым осколком камня.

В горле у Цинь Чжэна встал ком. Он тихо подошёл сзади и опустился на корточки:

— Так твою маму звали Су Цзяо... Вот, значит, как пишется её имя. Прости, твой братец ошибся в иероглифе. Давай я помогу тебе закончить.

Он бережно усадил Су Цзыцина, забрал из его ослабевших пальцев камень и аккуратно вырезал оставшиеся штрихи поверх неровных детских каракулей. Затем он глубоко вогнал готовую табличку в почву у изголовья могилы.

На дереве отчётливо читалось:

Могила Су Цзяо

Возведена её сыном Су Цзыцином

Су Цзыцин попытался опуститься на землю, чтобы совершить поклоны. Цинь Чжэн бережно придерживал его, пока мальчик с трудом отбивал три ритуальных поклона праху матери, прижимаясь лбом к холодной пыли и подолгу не поднимаясь.

Слова утешения никак не шли на ум, и Цинь Чжэну оставалось лишь безмолвно разделять эту невыносимую детскую скорбь.

— Твоя мама теперь на небесах, она всегда будет оберегать тебя, — тихо проговорил он. — Пойдём обратно. Здесь слишком сильный ветер, ты можешь снова заболеть.

Су Цзыцин какое-то время молча сидел, упираясь ладонями в землю и не отрывая взгляда от тёмного земляного холмика.

— Спасибо... — едва слышно выдавил он.

А в следующий миг развернулся и, уткнувшись личиком в грудь Цинь Чжэна, разрыдался в голос.

Эта невыносимая боль от потери близких слишком долго копилась в его маленьком сердце, не находя выхода. И теперь плотину прорвало: слёзы хлынули безудержным потоком, пачкая плечо Цинь Чжэна. Мальчик содрогался всем телом от глухих рыданий. Цинь Чжэн совершенно растерялся — он не знал, стоит ли прижать его крепче или просто гладить по спине. Ему оставалось лишь безмолвно слушать этот полный отчаяния детский плач, разрывавший ночную тишину, и чувствовать, как собственное сердце обливается кровью.

Цинь Чжэн ласково обнял его и прижал к себе, спрятав лицо в копне его мягких волос.

— Ты так горько плачешь, что у меня самого слёзы наворачиваются, — негромко шепнул он. — Послушай меня. Я здесь, с тобой. Теперь ты не один. Если ты не против, зови меня своим старшим братом. Обещаю, я всегда буду заботиться о тебе. Согласен?

Су Цзыцин, задыхаясь от рыданий, затих лишь спустя долгое время.

Он слегка отстранился, шумно шмыгая носом. В полумраке пещеры, освещённой лишь неверным лунным светом, блестели влажные дорожки на его щеках, а заплаканные глаза казались необычайно яркими. Мальчик пристально, не мигая, всматривался в лицо своего спасителя.

Затем, словно принимая самое важное решение в жизни, он уставился прямо в глаза Цинь Чжэну и отчётливо, выделяя каждое слово, произнёс:

— Бра-тец Цинь Чжэн.

Цинь Чжэн очнулся от воспоминаний. Образ маленького, беззащитного Су Цзыцина, безутешно рыдающего у него на плече, стоял перед глазами как наяву. То детское обращение, сказанное с отчаянной надеждой, стало для них обоих спасительной нитью, связавшей их нерушимым доверием. Цинь Чжэн всегда верил, что подобная искренность способна зародиться лишь в чистой детской душе, а потому дорожил ею превыше всего на свете и готов был защищать этого мальчика даже ценой собственной жизни.

Вот только стоящий перед ним сейчас взрослый мужчина ни капли не походил на того несчастного раненого ребёнка из его воспоминаний.

Когда они впервые встретились в трактире «Сказки, Потрясающие Стол», Вэнь Тинъюнь держался с невозмутимым, даже слегка вызывающим достоинством. На его губах играла вежливая улыбка, которая, однако, не несла в себе ни капли тепла — в ней сквозил лишь вежливый холод. И только когда его взор падал на Цинь Чжэна, в этой улыбке просыпалось настоящее, искреннее чувство. Он при этом мягко прищуривался, а сквозь приоткрытые губы виднелся острый белый клык. Пожалуй, это была единственная черта, роднившая его с прежним маленьким Су Цзыцином.

В те далёкие дни искалеченный ребёнок кутался в безразмерный чёрный плащ Цинь Чжэна, волочившийся по земле, и из-за перебитых ног послушно висел у него на спине, куда бы они ни направлялись. А что теперь? Этот человек в одиночку, не моргнув и глазом, перебил несколько десятков элитных наёмников, словно не на смертный бой ходил, а просто прогулялся по оживлённой улице. Под его одеждами скрывалось сильное, подтянутое тело с рельефными мышцами. Цинь Чжэн невольно поймал себя на нелепой мысли: если бы ему пришлось снова нести Вэнь Тинъюня на спине, тот, верно, переломил бы ему поясницу своим весом.

Семь лет пролетели как один миг. Слабый мальчик превратился в грозного мужа, а пережитые невзгоды закалили его характер, сотворив надёжную броню против любых жизненных бурь. Цинь Чжэн не мог даже представить, через какие испытания довелось пройти его названому брату. Оттого ещё более странным казалось то, как грозный глава демонического культа, наводящий ужас на врагов, наедине с ним превращался в обиженного ребёнка и жаловался на судьбу.

От этой мысли сердце Цинь Чжэна болезненно сжалось. Он тихо спросил:

— Что именно пошло не так? Расскажи мне, я...

«Что "я"?» — мысленно оборвал он себя, мгновенно увядая. — «Чем я могу помочь тебе сейчас, когда сам едва цепляюсь за жизнь?»

Он осёкся на полуслове и понурил голову, не решаясь продолжить.

Вэнь Тинъюнь капризно надул губы, страдальчески нахмурившись:

— Я так хотел разыскать тебя, но эти упрямцы в долине и слышать ничего не желали! В Долине Павшего Бессмертного слишком строгие правила, и вырваться оттуда силой я не мог. Так и тянулось время, год за годом. А когда мне наконец позволили уйти, мир уже полнился грязными слухами о тебе. Слышал бы ты, какую чепуху они болтали! Мне до смерти хотелось вырвать им языки и подать к столу в качестве закуски к вину!

Цинь Чжэн в изумлении округлил глаза. Он-то думал, что стряслось нечто непоправимое, а его собеседник просто-напросто... капризничал. В детстве тот частенько любил поканючить, но теперь, став могущественным хозяином Долины Павшего Бессмертного, он умудрялся выказывать обиду в весьма своеобразной манере — с угрозами вырвать чужие языки на закуску. Цинь Чжэн невольно попытался вспомнить вкус недавно выпитой Чистой жидкости девяти эликсиров: не примешалось ли туда чего-то лишнего? Вся эта сцена казалась ему до нелепости забавной, а сам Вэнь Тинъюнь — невероятно комичным в своей напускной свирепости.

Он неловко кашлянул, пытаясь скрыть улыбку, и мягко произнёс:

— Я тоже всегда хотел разыскать тебя, Цзыцин, но обстоятельства...

Вэнь Тинъюнь мгновенно преобразился, его глаза радостно блеснули:

— Правда?! Ты действительно хотел найти меня?

<http://bllate.org/book/19742/2039447>